

Шла война народная...

Вопрос о создании Владимирского народного ополчения решался во Владимире 24 июля 1812 г. на общем собрании дворянского сословия. Начальником ополчения стал Борис Андреевич Голицын. Присутствующим было объявлено: «так как во Владимирской губернии находится дворянских душ 312 тысяч, а собрать надлежит с сей губернии во временное ополчение не менее 12 тысяч воинов, то каждый помещик должен выставить человека на сию службу с дачи от 15 до 20 душ...»

8 сентября 1812 г. начальник ополчения докладывал М.И. Кутузову: «Сего месяца 6 дня с нарочным... имел честь Вашей светлости донести, что 17 батальонов Владимирского ополчения находятся в Покровском уезде, а ныне доложу во Владимирском ополчении назначено быть 15086 человек воинов, которые разделены на 6 полков пеших, и хотя не все одеты согласно подтвержденному в составе Московской военной силы, но вооружены пиками. Кавалерии вовсе нет».

Для вооружения ополчения из городов и уездов губернии было собрано и свезено во Владимир более 15 тысяч пик, 695 штук кос, 880 ружей, 75 пистолетов, 5 мушкетов, 3 чугунные и 1 медная пушка, 254 тесака, 169 сабель, 39 палашей. О ходе сбора пожертвований для народного ополчения земские исправники подробно писали в рапортах, кто, сколько и чего доставил ему. Так, Юрьевский статский советник Д.А. Бороздин внес «две чугунные пушки без лафетов, егерское ружье однопульное ветхое, 6 тесаков без ножен, 4 пики с ротовищами, 3 – без оных, барабан медный...»

В фонд ополчения сдавались денежные суммы, холст, мука и т.п. От чистого сердца вносили посильные вклады простые люди. Так, мещанская девица Семенова г. Коврова передала для ополчения 23 аршина холста, крестьянская девица (имени ее не указано) из деревни Поташино Меленковского уезда – 27 пудов хлеба, жители села Иванова собрали 1000 рублей, села Васильевского – 500 рублей.

В ратники добровольно шли ремесленники, мещане, купцы Несмотря на лета и семейные обстоятельства, они становились под знамена ополчения. Многие из них, никогда не видевшие поля боя, не страшились, а просили как милости разрешения вступить в ополчение. С искренним сожалением пишет отставной 70-летний офицер письмо губернатору: «Семидесятилетняя старость моя и 50-летнее служение с обер-офицерского чина не позволяет мне стать на поле сражения, но имея любовь к Родине я, имея скудные доходы от пенсии, жертвую 100 рублей...».

Принять участие в Бородинском сражении Владимирскому народному ополчению не пришлось, оно было сформировано позднее, да и цели перед ним ставились иные. Но жителей губернии немало было на поле боя. Героически дрался на семеновских флешах в составе 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницына 21-й пехотный Муромский полк. На этот участок битвы Наполеон двинул 2 дивизии. Четырежды врывались французы во флеш и четырежды их выбивали оттуда. О доблести своих воинов Коновницын доложил Кутузову: *«Презирая всю жестокость неприятельского огня, полки пошли на штыки и со словами «Ура!» опрокинули французов, привели в замешательство их колонны и заняли высоту, с самого начала упорно защищаемую».*

Большая часть солдат Муромского полка осталась лежать под Бородином. В столетний юбилей Бородинского сражения благодарные потомки воздвигли им скромный памятник на Бородинском поле. На котором высечены слова: «Муромцы своим предкам – героям. 1812 – 1912».

После Бородинской битвы Кутузов отдало приказ об оставлении Москвы, говоря: *«С потерей Москвы еще не потеряна Россия, доколе будет сохранена армия».* В результате тарутинского маневра русская армия отошла из-под удара, накапливая силы для контрнаступления. Занятая неприятелем Москва была блокирована. Ополчения закрыли для наполеоновской армии все дороги, ведущие в не разоренные губернии, участвовали с партизанами в боевых действиях «малой войны», уничтожая живую силу, боевую технику и фураж противника.

При действенной поддержке Владимирского ополчения развернулось партизанское движение на границе Московской и Владимирской губерний. Грабежи неприятеля возбудили гнев и негодование крестьян: они собирали силы для отпора.

В конце сентября к начальнику ополчения явились двое крестьян села Вохны Богородского уезда, прося помощи в действиях против врага. Эти же крестьяне сообщили Голицыну что *«французы в немалом числе для фуражирования к ним приезжали, но они, по собственной их воле, вооружившись кто чем мог и собравшись до трех тысяч человек, решились защищаться, неприятеля прогнали и тем спасли дома свои»*.

Осенью 1812 г., когда французы заняли Дмитров и подошли вплотную к границам Владимирской губернии, развернули свою деятельность и владимирские партизаны. Руководил ими голова села Филипповское Покровского уезда. К сожалению, имени его история не сохранила.

Полковник Поливанов, командир 4-го полка ополчения, доносил Голицыну: *«...получил от Филипповской волости 50 конных людей, вооруженных пиками, употребляю их ежедневно на разъезды о движении неприятеля и на пикеты под командою охотников»*.

Кроме разведки, партизанские посты останавливали и проверяли всех лиц, проходящих по занятым ими дорогами из Москвы. Так, в руках владимирских партизан оказался итальянский художник Тончи, отставший от обоза. Так как он не умел говорить по-русски, его приняли за шпиона. К счастью, через деревню, где он содержался под стражей, проезжал граф Соллогуб, хорошо знавший художника. По ходатайству графа Тончи был освобожден и отвезен во Владимир, где в память о спасении России и своего собственного, он написал для Успенского собора картину «Крещение Руси».

Деятельность владимирских партизан продолжалась вплоть до момента, когда Владимирское ополчение 17 октября 1812 г. получило приказ М.И. Кутузова вступить в Москву, оставленную врагом.

Вплоть до роспуска владимирские полки переводились в освобожденные города для несения караулов из ратников владимирского ополчения формировались конвойные команды для сопровождения французских военнопленных. Весь 1813 год ополчение провело в непрерывных походах, дойдя до западных границ России. И только в мае – июне 1814 г. поредевшие его полки возвратились домой.

Призыв. 6 сентября 1987 г.